

Пролог

Она была там. За стеной.

Ждала его. И боялась.

Он чувствовал ее нервозность и неподдельный страх. Представлял, как она мечется по его спальне, теребя завязки своей рубашки. Как кусает полные, чуть влажные губы...

С первой встречи ему хотелось попробовать эти губы на вкус! И он не стал себя останавливать. Сколько еще они будут снится ему и манить?

Но сейчас все закончится.

Сейчас он узнает правду.

Роннар рывком схватил со стола кубок, наполненный игристым вином, и залпом опрокинул в себя. Но прохладный напиток не остудил огонь, бушевавший внутри. Наоборот, подхлестнул его, словно кто-то плеснул масла на уже затухавшие угли.

Взгляд дарга упал на стол, на котором лежала бумага с гербовой печатью. Это была запись допроса, которую передал ему дознаватель. Всего несколько строк, от которых веяло кровью и предательством.

По губам Роннара скользнула усмешка. Циничная, мертвая. Его пальцы сжались на кубке, сминая черное серебро словно картон.

А ведь прошлой ночью он назвал эту женщину своей женой перед лицом предков. Он, Повелитель Сумеречной Гряды, Владыка Алмазного клана, правитель Драконьей империи. Он был уверен, что нашел ту, которая разделит с ним его жизнь, имя и власть.

И что же теперь?

Бумага, лежавшая на столе, все изменила. Слова, написанные каллиграфическим почерком дознавателя, были пропитаны ядом, и этот яд сейчас разъедал изнутри его душу.

Выругавшись, он отшвырнул прочь погнутый кубок, и тот покатился по мраморным плитам, отбивая траурный марш.

Император поднялся. Он больше не собирался ждать. Он хотел получить ответы.

И он их получит.

Волна ледяного воздуха сорвалась с его пальцев, ударила в дверь, заставляя ту с грохотом распахнуться, и понеслась дальше, оставляя на полу морозный узор. Но сам Роннар не торопился переступить через порог собственной спальни. Остановившись в дверях, он разглядывал ту, что стала причиной его гнева.

У высокого окна, скрытого тяжелой занавесью, стояла хрупкая, бледная девушка. Ее белокурые волосы были зачесаны вверх, открывая незащитную шею, такую тоненькую, что он смог бы переломить ее двумя пальцами. Сорочка из тонкого шелка песочного цвета ниспадала до самого пола, скрывая изгибы фигуры и в то же время будоража воображение.

Роннар почувствовал, как во рту пересохло, а в груди, там, где билось сердце, что-то заняло.

Его невеста.

Принцесса Валенсия.

По крайней мере, именно так значилось в договоре, который он заключил с ее отцом.

Его взгляд прошелся по лицу девушки, отмечая тонкие черты, чуть вздернутый нос, испуганные глаза, окаймленные густыми ресницами. И задержался на губах.

Девушка сделала шаг назад. Ей в поясницу уперся подоконник. Она вцепилась в него непослушными пальцами и нервно облизнула губы.

Роннар ощутил, как наливается плоть.

О, его так называемая невеста хороша. Даже слишком. Но она не та, за кого себя выдает. Он не чувствует с ней единства. Только чисто мужскую реакцию.

— Владыка Роннар... — пролепетала она. — Я... я не ждала вас так рано...

Конечно же, не ждала.

Даже не взглянув в сторону огромной кровати, приготовленной слугами к брачной ночи, он прошел через спальню. Молча ухватил спинку кресла, выдвинул из-за секретера на середину комнаты и опустился в него. И только потом произнес:

— Раздевайся.

Его голос прозвучал жестко и холодно.

Девушка растерянно заморгала.

Ее руки несмело скользнули вверх, к единственным завязкам, удерживавшим сорочку на шее.

— П-простите, мой император...

— Я сказал, раздевайся, — повторил Роннар, тяжело роняя слова.

Он должен дать ей последний шанс. Потом он заглядит свою вину, если окажется, что его невеста чиста перед ним. Но если донос окажется правдой...

Лицо девушки вспыхнуло румянцем стыда.

Что ж, с императорами не спорят...

Она опустила ресницы, скрывая набежавшие слезы.

Наивная, неужели думала, что он будет с ней нежен? Конечно же, будет, если сейчас она убедит его в том, что та бумага на его столе — клевета.

Девушка закусил губу. Непослушными пальцами ухватила завязки и потянула. А потом уронила руки безвольными плетями. Шелк скользнул вниз, упал к ее ногам и растекся легким облачком, открыв взору мужчины девичье тело.

Роннар молчал. Он смотрел на идеальную, молочно-белую кожу, и его взгляд постепенно темнел, наливаясь холодной яростью.

На виске императора вздыбилась черная вена. Пальцы вцепились в подлокотники кресла с такой силой, что дерево треснуло, рассыпаясь на щепки.

Но он продолжал сидеть и смотреть, и под его уничтожающим взглядом девушка сгорбилась, съежилась, стала как будто меньше. Краска стыда залила ей шею и грудь...

Наконец, удовлетворенный увиденным, Роннар хлопнул в ладоши.

Шевельнулась портьера, скрывавшая вход в соседнее помещение. И из-за нее показался молчаливый слуга.

Вздвогнув, девушка подхватила сорочку. Она хотела прикрыться, но тяжелый взгляд императора пригвоздил ее к месту.

А когда он заговорил, ее охватило оцепенение.

— Тарк, передай этрурцам, что я оценил их шутку, — произнес он без всяких эмоций. — И теперь хочу видеть настоящую принцессу Валенсию.

— Слушаюсь, мой повелитель, — хранитель императорской спальни сдержанно кивнул, подтверждая, что понял приказ. — А что делать с этой?

Он даже не глянул на девушку.

Губы Роннара раздвинула мстительная усмешка:

— Отдайте ее солдатам.

Глава 1

Летний вечер дышал прохладой и ароматом жимолости, вьющейся вдоль балюстрады вперемешку с диким виноградом. Валенсия любила это время суток за его безмятежность, за обещание, которое таилось в закатных огнях. Маленькой, она часто убегала от няnek и неугомонных сестер, чтобы спрятаться на балконе и любоваться, как на бархатном небе Этрурии зажигаются звезды.

Но здесь, над Сумеречной Грядой, небо было иным. Чужим, неприветливым и надменным. Ленси не смогла найти ни одного знакомого созвездия, хотя стояла, задрав голову, пока шея не онемела. Да и тучи висели здесь слишком низко, почти задевая своими краями зубцы башен Ирригенского замка.

Балконная дверь за ее спиной была слегка приоткрыта. Ветер играл краем гардины, то трепал ее, как игривый щенок, то подбрасывал вверх и доносил голоса сестер, бурно обсуждавших завтрашнюю церемонию. Еще бы, Бал Невест в Ламаррии бывает раз в двадцать лет.

Только раз в двадцать лет таинственная страна, где правят драконы, открывает свои врата. И тогда сотни дев, достигших брачного возраста, съезжаются туда со всех окрестных земель, чтобы попытаться счастья и стать избранницей одного из даргов, как они сами себя называют. Дарги живут долго, очень долго, но своих женщин у них давно уже нет. Кто-то говорит, что это наказание, которое послали им боги. Кто-то, что это

признак вырождения расы. Вот и ищут они пару среди человеческих дев.

Только не всякая дева подходит драконам, не всякую дарг назовет своей суженой.

А этот Бал Невест и вовсе будет особенным. Сам император Роннар решил принять в нем участие. А царственному жениху положено царственная невеста.

Вздохнув, Валенсия потерла озябшие руки. Ее предупреждали, что на Сумеречной Гряде холоднее, чем в долинах Этрурии, но она даже не представляла насколько.

Или это страх перед завтрашним днем заставляет ее кожу покрываться мурашками?

Она не знала. Ей хотелось отвлечься от мрачных мыслей, но возвращаться к сестрам желания не было. Особенно если учитывать, что эту ночь придется провести в компании Лидии — самой старшей и самой настырной, которая и так всю дорогу допекала нравочениями.

Уж лучше сбежать потихоньку, пока никто не увидел, да немного пройтись, подышать свежим воздухом.

Тем более что где-то у главной башни должен быть сад с каменными фонтанами в виде статуй морских драконов. Ленси видела его еще днем, из окна дирижабля, когда сопровождавший принцесс ньорд приказал капитану совершить лишний круг, дабы царственные гости смогли насладиться красотами Ирригена с высоты птичьего полета.

Для Ленси и ее пяти сестер это был первый полет на воздушном транспорте, вот уж страху они натерпелись! Но воспитание не позволило выдать эмоции, пришлось сжать свой страх в кулаке и с прямой, как палка, спиной взойти на борт по хрупкой на вид, металлической лесенке.

Она помнила, как села на отведенное место — узкое кресло, обитое бархатом, и крепко зажмурилась, заставляя себя дышать медленно и глубоко. Рядом нервно переговаривались сестры, в сотый раз спрашивая

у ньорда, насколько этот транспорт безопасен. Зака-
тывали глаза, угрожая хлопнуться в обморок, дули
друг другу в лицо, обмахивались платочками, подно-
сили к носу едкую нюхательную соль. Где-то в хвосте,
отдельно от них, от страха вскрикивали служанки
и вполголоса бормотали молитвы.

Снаружи дирижабль представлял собой гигант-
ский аэростат вытянутой, каплевидной формы, под
которым крепилась легкая на вид лодочка с застеклен-
ными окошками. Изнутри вся конструкция выглядела
хрупкой и ненадежной, но никаким другим транспор-
том преодолеть бурное Аранейское море было попро-
сту невозможно. Самые мощные корабли разбивались
о рифы, не пройдя и половину пути. Поговаривали, это
результат древней магии, которой дарги когда-то дав-
но отгородились от внешнего мира.

Как бы там ни было, имперский ньорд выдал ка-
ждой из будущих невест по маленькой круглой пи-
люле синего цвета. Он сказал, что это лекарство от
воздушной болезни, а заодно и хорошее успокоитель-
ное для сиятельных льер. Ленси до сих пор ощущала
на языке ее мятный, насыщенный вкус, хотя прошло
уже много часов.

Подойдя к краю балкона, девушка перегнулась че-
рез балюстраду и глянула вниз.

Там, у подножия замковых стен, раскинулась
каменистая пустошь, затянутая вечерним туманом.
Сквозь туман пробивались красноватые блики ко-
стров, зажженных в честь Бала. Слышался рокот
мужских голосов, перемежавшийся гортанным сме-
хом, звон бокалов, скрежет металла. Дарги тоже го-
товились к празднику.

Разогнувшись, Валенсия окинула взглядом острые
пики скал, отливавшие багрянцем на фоне закатного
неба. Сейчас они были похожи на пылающие факелы,
а все из-за слюдяных отложений, покрывавших их
склоны. В гладкой, отполированной природой поверх-
ности отражались то солнце, то луна, придавая без-
жизненным скалам феерический вид.

— Во всем этом есть какая-то особенная, завораживающая красота. Тебе так не кажется?

Девушка вздрогнула, когда рядом с ней неожиданно раздался голос сестры.

— Дель, ты меня напугала...

Дельфина — третья по старшинству из шести принцесс Этрурии — хмыкнула, набрасывая кружевную мантилью из шерсти этрусских коз на плечи сестре.

— Мы уже идем спать, — она зевнула, прикрывая ладошкой рот. На безымянном пальце блеснуло кольцо с вензелем королевского Дома Этрурии. Такое кольцо было у каждой принцессы. — Все устали. Завтра будет тяжелый день.

— Я хочу побыть здесь еще немного.

— Как хочешь, — Дель пожала плечами. — Смотри, чтобы Лидия не ругалась. Она сегодня вся как на иголках.

— Нервничает.

— От этого брака зависит и наша судьба, и всего королевства. Мы все нервничаем. А ты разве нет?

Ленси слабо улыбнулась сестре:

— Я стараюсь не думать о том, что будет завтра. Ведь еще и сегодня не кончилось. — Немного помолчав, она добавила, но уже тише: — Как думаешь, кого из нас выберет император?

Этот вопрос мучил ее с тех пор, как отец объявил о своем решении заключить династический брак с Владыкой Сумеречной Гряды. В его понимании это был единственный способ спасти Этрурию от смены династии. В маленьком королевстве давно назревала буря, ведь у короля Фабиана и королевы Кассандры не было сыновей, а дочери по закону не могли претендовать на престол. Король был простым человеком, и ему уже стукнуло шестьдесят. Народ требовал, чтобы он назначил наследника, но единственным претендентом на трон оставался герцог Феликс Тилезский, его младший брат. Он давно точил зубы на трон, понемногу стягивая войска у границ. Оставался единственный выход —

породниться с сильным соседом, который сможет взять Этрурию и ее королевский Дом под свою опеку.

Таким соседом оказалась Ламаррия — драконья империя, простиравшаяся через весь материк от Су-меречной Гряды до Аранейского моря. И, как раз кста-ти, ее правитель искал жену...

Дельфина несколько минут молча вглядывалась в пламенеющие багрянцем пики. Потом, не глядя на сестру, сухо бросила:

— Кого бы он ни избрал — это наш единственный шанс. Завтра мы узнаем, кто из нас вернется домой, а кто останется здесь навсегда.

Она ушла, оставив Валенсию стоять на балконе. К этому времени последний луч солнца мигнул и про-пал, замок затих, погрузился в ночную дрему. Погас свет в окнах, смолкли громкие голоса, звон и бряцанье. Даже ветер улегся, перестал шелестеть листвой. И тем явственнее стали нежные, мелодичные звуки, доно-сившиеся откуда-то из самого сердца замкового двора.

Ленси прислушалась.

Кто-то играл в темноте на кифаре. Мелодия была незнакомой, но легкой и приятной, она текла, словно река, обволакивая и проникая в самое сердце. А потом к ней присоединился мужской баритон — низкий, ро-кочущий, с глубокой бархатной ноткой, от звуков ко-торого по коже девушки побежали мурашки. Он пел на драконьем языке, которого Ленси не знала, но слова таинственной песни вплетались в мелодию, как ленты в косы лесной кельфи.

И девушке вдруг нестерпимо захотелось увидеть неведомого кифарда.

Она немного постояла, сомневаясь в правильности того, что собиралась сделать. А потом переступила по-рог балкона и осторожно, стараясь не издать ни звука, закрыла за собой стеклянную дверь.

Теперь предстояло так же осторожно, чтобы не разбудить сестер, покинуть покои.

В Ирригене девушек поселили в апартаменты из трех спален, выходивших в одну гостиную, где сейчас

и стояла Валенсия, прижав руки к груди и пытаясь справиться с учатившимся дыханием. Днем ее поразили огромные комнаты с лепными потолками, мозаичные стены, мраморные полы — такого великолепия давно не было в их родном замке. А роскошная мебель из тика и розового дерева, украшенная драгоценными инкрустациями и филигранной резьбой, похожей на тонкое кружево? Каждый предмет был произведением искусства чуждой, таинственной расы.

Но все это было днем, а сейчас Ленси на цыпочках прокралась к входной двери. И уже сжала пальцы на серебряной ручке в виде морды единорога, как за ее спиной скрипнула дверь, ведущая в одну из спален.

— Валенсия? — хриплый спросонья голос Лидии заставил девушку замереть. — Ты куда собралась?

Ленси попыталась слиться с темнотой.

— Эм-м... в уборную, — выдала она первое, что стукнуло в голову.

— Ясно, — раздался громкий зевок. — Ты б еще дольше сидела, звезды считала.

Тихий шорох оповестил, что Лидия захлопнула дверь. Ленси постояла еще немного, пока не услышала, как заскрипела кровать, принимая в свои объятия тело старшей принцессы. И только потом позволила себе облегченно выдохнуть.

От легкого толчка дверь гостиной приветливо распахнулась, Валенсия перешагнула порог и оказалась в хорошо освещенном коридоре, упиравшемся в широкую каменную лестницу. Сквозь высокие арочные окна сюда заглядывал звездный свет, а вдоль стен крепились светильники из синих кристаллов, горевшие ровным, холодным светом.

В коридоре царила мертвая тишина, путь был свободен.

Подобрав юбки, Ленси начала спуск по лестнице, и чем ниже она спускалась, тем ближе становился загадочный голос, переплетавшийся с музыкой в единое целое. Он был еле слышен, но от этого не стал менее чарующим. Песня, которую он выводил, напоминала

тонкое кружево: звуки то сплетались воедино, то расходились, то взлетали ввысь, чтобы оборваться резким крещендо, то опускались до невесомого рокота, который пробегал дрожью по венам.

На улице ее встретили тишина и прохлада.

— Эльха Пресветлая, что же я делаю? — пробормотала девушка, кутаясь в шерстяную мантилью.

Если кто-то увидит ее здесь и доложит, то скандала не избежать. Младшая принцесса Этрурии шастает по ночам в императорском замке!

Таинственный голос здесь слышался четче, к звукам кифары присоединился хрустальный плеск фонтанов. Он манил, завораживал, пробуждал странные, непонятные ощущения, от которых кружилась голова и слабели ноги, а низ живота наливался тягучим теплом.

Уже не думая ни о чем, кроме желания увидеть певца, Валенсия шагнула с крыльца на аллею сада.

Какое-то время она бездумно шла, ориентируясь только на звук. Но вдруг пение смолкло, и девушка, вздрогнув, словно очнулась от глубокого сна.

Оглядевшись, она поняла, что стоит у каменной кромки пруда, посреди которого возвышается скульптура морского дракона — тот самый фонтан, который она заметила еще днем. Гигантский каменный змей свил свое тело в мощные кольца. Луна серебрила чешуйки, выгравированные неизвестным мастером с особой любовью, а красные камни в глазах дракона мерцали, словно живые. Из разинутой пасти, задранной к небу, била струя воды, возносясь высоко вверх и рассыпаясь на миллионы прозрачных капель.

Это было так странно...

Девушка могла бы дать руку на отсечение, что песня раздавалась отсюда. Но сейчас возле пруда не было ни души, если не считать ее саму. Неужели это действительно происки лесных кельфи? Эти проказницы любят зачаровывать путников, заводят в свои дебри, чтобы потом похитить разум и душу...